

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ХЛЕБ	7
Глава 2. ОБМЕН	15
Глава 3. ГРЕЧКА	20
Глава 4. УКРАИНА	33
Глава 5. БАЗА	44
Глава 6. RIGHT SECTOR	52
Глава 7. ВЫКУП	59
Глава 8. ПРЕДАТЕЛЬСТВО	63
Глава 9. ВАРШАВСКИЙ УИК-ЭНД	78
Глава 10. ПОСЕЛОК	92
Глава 11. ОТЕЛЬ	101
Глава 12. НОВАЯ ВЛАСТЬ	112
Глава 13. ТЬМА	125
Глава 14. ЯМА	138
Глава 15. ИГРА	147
Глава 16. ПАРТИЗАН	156
Глава 17. ЭКС-ТАНДЕМ	175
Глава 18. ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА	184
Глава 19. ИУДА	203
Глава 20. МЕЛОДИЯ ЖИЗНИ	218
Глава 21. КРЕЩЕНИЕ	236
Глава 22. НА ПЕРЕПУТЬЕ	251
Глава 23. СОЛНЦЕ	258
Глава 24. НОВЫЙ МЭР	271
Глава 25. У ГЕНУЭЗСКИХ БАШЕН	283
Глава 26. КОЛЬЦО	292
Глава 27. ТРАКАЙСКИЙ ЗАМОК	302
Глава 28. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	308
Глава 29. РАДИ ЖИЗНИ	312

*Война не отменяет любви.
Жизнь иногда всего лишь ставка в игре.
Каждое слово имеет свою цену...*

Глава 1

ХЛЕБ

Подросток лет пятнадцати, рыжий и веснушчатый, с немного вздернутым носом, попросил у меня хлеба. Пацан был уверен, что я помогу.

Наверняка он видел, как я, словно Рэмбо, бряцал затвором своего АК-47М с «подствольником», разгоняя стаю мародеров возле многоэтажки в Киевском районе города, куда давеча попала мина прямиком с Донецкого аэропорта. Он словно замороженный наблюдал, как я вырвал из рук татуированного детины, возрастом немногим старше него, юную девушку. Как снял балаклаву с ее головы и вернул шерстяную черную маску с прорезью обратно на голову невменяемого злодея, только тыльной стороной. И как потом я лично затолкал мародера в багажник, бросив водиле: «Вези расписного на скотобойню!»

Наверное, в представлении паренька я выглядел командиром. На самом деле я был в его городе гостем, обычным добровольцем из Крыма. Сюда привела меня судьба. А я был фаталистом, не мог молчать, когда внутри кипит, не мог скрывать, когда был не согласен, не мог сидеть в стороне, когда можно было бы и понаблюдать из норки. Уж таким уродился, возможно, себе на беду.

В Крыму, после прихода «вежливых» на постоянное расквартирование, самооборону разогнали, вернее, не поставили на довольствие. Казаков тоже поблагодарили, после чего Круг велел собираться на Донбасс к братцам. Добровольных дружинников из сокращенных офицеров и отпускиников устно поблагодарили и тоже рекомендовали вернуться в места постоянной дислокации, в части и на «коробки». Вот и оказался я волею Провидения и по собственному разумению в отряде «колорадов», состоящем из местных и уроженцев Ростовской области. Пятьдесят на пятьдесят.

Местные были из захваченных Краматорска, Дебальцево, из Лисичанска и Донецка. Россияне попадали в наше подразделение в основном из Аксая, Азова и Батайска. Из Ростова человек пятнадцать, не больше. Отряд по-военному назывался батальоном, причем из уважения к Войску Донскому считался он казачьим. Поэтому носили мы казачьи шевроны.

Кзаки на этой войне проявили себя истинными храбрецами. Кзачьи батальоны брали целые города и контролировали большие отрезки границы, крошили «бандеровскую нечисть» в котлах и гибли на блокпостах. Они не просили, но заслуживали уважения. Воевали не за страх и почести, а за совесть. Добывали добычу. Однако у них то и дело возникали трения с самовыдвиженцами, уверовавшими в то, что делегированы верховодить от имени самой России. Бывший реконструктор по прозвищу Снайпер, лично у меня он был в почете как офицер, не жаловал казачество, винил казаков в неумении подчиняться, задевал, искал повод уличить в дезертирстве. Заигрался в «Белую гвардию», словно восстал из пепла разгромленной в Крыму армии Врангеля. Воевал за вымышленные идеалы, утратив связь с реальностью. Веяло от него духом пораженчества, все время ныл и обвинял Кремль в бездействии. На себя замкнул все внимание прессы, развесил бигборды со своим портретом. Кзаки такого сторонились. Боевые атаманы сами были с усами. Но признать надо, находились и паршивые овцы даже среди героического казачества...

Разношерстная публика наша состояла из многих сословий, по большей части рабочих профессий, в том числе шахтерских. Присутствовали и маргиналы, и бывшие уголовники, под пятьдесят казаков в смешных папахах и ку-

банках, даже с нагайками, с десяток армян, которые почему-то тоже считали себя здесь казаками, дав присягу Войску Донскому, а теперь и непризнанной Новороссии. Было также пятеро осетин и двое чеченцев, один из которых полукровка.

Дисциплина хромала. Казаки, люди вольные, заразили всех ростовской феней, и этот жаргон служил в сформированном подразделении командным языком. А за командира у нас был атаман Пугач. Из тех, кто не признавал власть Снайпера ни в какую. Тот еще «жужик». Равных ему в неологизмах и терках не было. Он ходил в тельнике, хоть и не служил в ВДВ. Поговаривали, что занимался он до войны охранным бизнесом, не очень законным земельным рейдерством в станицах.

Ко мне, как к практически уволенному корабельному офицеру ВМФ, оказавшемуся в зоне конфликта по доброй воле, будучи в очередном отпуске, и не вернувшемуся в часть по его окончании, Пугач относился с опаской, хоть я и не мог соперничать с ним в авторитетности и поэтому не претендовал на его верховенство. Видно чувствовал Пугач, что мне, человеку, лояльному к вольнице, не по нутру абсолютная анархия. Я хоть и не вернулся на «коробку» в срок, но сделал это, во-первых, уже будучи под сокращением, а, во-вторых, в лице командира нашего отправленного на списание сторожевика я нашел полного единомышленника. Кэп так и ска-

зал: «Прикрывать буду, сколько смогу. Защищая Донбасс, ты Крым защищаешь! Отмажу...»

Знал я, что когда-нибудь мы схлестнемся с Пугачом в чем-то неразрешимом, но не ведал, что очень скоро. Возможно, в спорах с атаманом об единоначалии, об острой необходимости объединения всех отрядов под единым тактическим руководством, о моем прилюдном определении атамана как полевого командира заслуженного, но средней руки, родилось это неприятие.

Нелюбовь ко мне присутствовала и в его ближнем круге, я раздражал многих, но это не была лютая ненависть. Да и соглашались со мной некоторые. В курилках, тихо, советуя, правда, не лезть на рожон.

...Лицо подростка показалось мне знакомым. Это он вызвал тогда ребят. Нас он считал властью и силой. Так оно и было. В опустевшем городе не осталось ментов. Город теней напоминал пейзаж заброшенной промзоны с целлофаном на окнах и выбоинами в асфальте. Закрытые двери жилищ не давали гарантий неприкосновенности собственности, точно так же, как банкоматы не давали больше купюр. Обесточенные машины для денег казались однорукими бандитами заброшенного казино, в котором на рулетке разыгрывалась жизнь целого города.

Я попросил пацана подождать у перекошенного фонарного столба с давно разбитой лам-

пой и свисающими струнами электропроводки. Зайдя в расположение ополченцев, я вынул свою буханку из вещмешка, отломил половину и понес ее изголодавшемуся пареньку. Он не услышал, как я подошел.

По привычке я теперь ходил осторожно, трехмесячный опыт позиционных боев уже имелся, и он вынуждал озираться и искать естественные укрытия. И бесшумно приближаться. Когда я стоял сзади, он все еще переминался с ноги на ногу, глядя в звездное небо. Беспечность. Вот что отличает мир от войны...

— Как зовут? — вернул я его на землю.

— Митяй.

— Держи полбуханки, а то щеки провалились.

— Спасибо, а тушенки нет?

— Тушенки нет, гречка будет. И картошка с луком. С мясом туго. Завтра приходи, в это же время. У меня как раз смена. Я вынесу.

— Хорошо!

— Ты в том доме живешь?

— В том.

— Напор есть в кране?

— Только на первом этаже. Очень слабый.

У них все набирают.

— Хватает?

— Не всегда, колонки спасают в частном секторе и возле ЖЭКа, да лужи, когда лень туда телепать.

- А ты в каком подъезде живешь?
- Я с углового подъезда, куда мина попала...
- Надеюсь, не с той квартиры?
- Не с той. Там никто не выжил.
- А ты с кем живешь?
- С сестрой старшей. Кристинкой. Мама в Крыму с младшим, в Балаклаве, а мы здесь.
- Я тоже с Крыма. С Севастополя.
- Крымчанам повезло, их Путин под крыло взял. А мы второго сорта. Что для России, что для Украины...
- Это кто ж такое сказал?
- Отец сказал. Его украинцы в плен взяли на блокпосте. Он боеприпасы вашим возил. Сказали, или бус оркестровый конфискуют для нужд ополчения, или сам чтоб возил, тогда не тронут. Так его со снарядами и патронами повязали. Теперь пытаются его, как сепаратиста. Дядя Ваня сказал... Он видел.
- Слушай больше дядю Ваню этого... — попытался подбодрить я.
- А смысл ему врать? Видел он батю моего. Сказал, что живой, но избитый. Пытали его. Я к вашему атаману бородатому ходил, он обещал обменять. Сейчас же перемирие...
- Резонно. Смысла в обмане не было. Как-то совсем стало жалко пацана. Я вдруг вспомнил, что наши «соседи» из подразделения Востока обнаружили под Дебальцево братские могилы с мирными жителями.

— Обменяют на тех укров, что траншеи роют? — голос пацана из бодрого превратился в дрожащий, он уже едва сдерживал слезы и молил. — Батя мой вам пригодится! Он может вам оркестр организовать, чтоб на парадах музыка была! Мой отец на всех инструментах может! Он на бусе целый оркестр перевозил. Вместе с инструментами. Там и тромбон, и барабан-бочка с тарелками, и валторны, и сакс. Вызволите его?

— Ну, раз атаман сказал... Тем более что оркестр.

Я не знал, что ответить, но понимал, что пацан не пришел бы сюда, не будь положение безвыходным. Он хотел спасти отца, хотел накормить себя и сестру. И выжить. Что может быть важнее желания выжить... Что может быть благороднее попытки вытащить из беды родного человека...

Парень побежал, окрыленный надеждой, с половиной буханки за пазухой. Я смотрел ему вслед, почти не сомневаясь, что атаману сейчас не до его отца. Между полевыми командирами пробежала кошка. Каждый тянул одеяло на себя и рисовался перед Москвой и всей Россией своими полководческими способностями, чтобы именно через него проходила «гуманитарка» и военно-техническая помощь ополчению. Ну и ради власти.